

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Идея о том, что язык навязывает его носителю определенную картину мира, высказанная в свое время Вильгельмом фон Гумбольдтом (“...each language draws a circle around the people to whom it adheres which is possible for an individual to escape only by stepping into a different one”, цит. по Wierzbicka 1991: 3), была подхвачена Сэпиром, а потом наполнена выразительным содержанием в работах Уорфа, который иллюстрирует ее на материале языков американских индейцев. В последнее время эта идея получила новую жизнь благодаря работам Анны Вежбицкой, которая продемонстрировала лингвоспецифичность большого числа понятий на весьма обширном материале, причем не экзотических языков типа хопи или навахо, а таких как английский, итальянский, польский, русский.

Непреложный факт состоит в том, что смысл говоримого в существенной степени предопределен языком, на котором человек говорит, и этот факт требует объяснения.

Если речь идет о предметной лексике, то различие между языками может быть объяснено различиями в условиях жизни, ср. хрестоматийные примеры, касающиеся роли снега у эскимосов или верблюда у арабов. Однако лингвоспецифическими оказываются значения и у абстрактных слов, таких как *душа* (кстати, интерес к слову “душа” идет еще от Гумбольдта, см. Гумбольдт 1984: 181). Почему, например, русское сочетание *душа и тело* фактически переводится на англ. как *mind and body* (Wierzbicka 1992: 42); или почему эквивалент для англ. *mentally ill* в русском языке - *душевнобольной* (Wierzbicka 1992: 52)? Вслед за Гумбольдтом Вежбицка принимает гипотезу о связи языка с национальным характером. Эта гипотеза недоказуема, но в некоторых случаях кажется очень соблазнительной, поскольку свойственные разным языкам различия мировосприятия безусловно носят системный характер.

Одно из проявлений этой системности - наличие в языковых картинах мира разных языков своего рода семантических доминант. В Wierzbicka 1988 приводятся убедительные свидетельства на тему о том, что в русском языке более тщательно, чем, например, в английском, “разработана” сфера эмоций, ср. знаменитое русское слово *тоска*, которое не имеет эквивалентов в английском - как, впрочем, и в других языках. Показательно, что когда Вежбицка говорит, применительно к русскому языку, о “tremendous stress on emotions and on their free expression”, остается даже не вполне ясно, имеются ли в виду свойства русского языка или русского национального характера.

Другая семантическая доминанта рассматривается в Wierzbicka 1992, где анализируются русские грамматические конструкции, выражающие “непричастность человека к ходу событий”: “the feeling that human beings are not in control of their lives and that their control over events is limited”; “a lack of emphasis on the individual as an autonomous agent, ‘achiever’, and controller of events”. Имеются в виду конструкции со словами *можно, нужно, невозможно, нельзя* (где субъект в дативе или же опущен вообще); *хочется, не спится, не работается, пишется, удалось* и проч., которые бесспорно имеют принципиальный характер для русского языкового сознания.

В статье Зализняк, Левонтина 1995 неагентивность представлена как одна из фундаментальных идей, формирующих семантический универсум русского языка (т.е. как семантическая доминанта русской языковой картины

мира): авторы показывают, что эта тема “разработана” с большой полнотой не только в русской грамматике, но и в лексике. Рассматривается группа глаголов, значение которых сводится к тому, что событие произошло с человеком как бы само собой - “не потому, что он этого хотел”. Это глаголы *собираться, постараться, успеть / не успеть, удалось, получилось, вышло, сложилось, случилось, повезло, угораздило, умудрился* и др.

Семантическая доминанта в некоторых отношениях подобна грамматическому значению: она навязывается говорящему системой языка, и потому имеет как бы меньший удельный вес, чем обычное - аналогично тому, как грамматическое значение, в силу его принудительной обязательности, обладает меньшим удельным весом по сравнению с лексическим. Ср. пример Есперсена: во фразе *Согласно заветанию, имущество передается ее ребенку или детям* число навязывается грамматической системой данного языка; оно не способствует, а мешает говорящему выразить его мысль и не будет сохранено при переводе на языки, где число не грамматично. Можно предположить, что нечто похожее имеет место для значений, входящих в ту или иную доминантную сферу данного языка.

В нашей работе отстаивается тезис о том, что неопределенность составляет одну из семантических доминант русского языка и как таковая имеет две особенности: во-первых, это семантическая сфера, которая “хорошо разработана” в русском языке по сравнению с языками других групп: показатели неопределенности образуют разветвленную систему, позволяющую просто выражать тонкие смысловые различия, в других языках не выразимые; во-вторых, это сфера, которая отличается некоторой стертойостью, легковесностью: будучи навязано говорящему языковой картиной мира, значение неопределенности не всегда должно приниматься за чистую монету¹.

1. Неопределенность и ее субъекты

Обращаясь к семантике неопределенности, необходимо прежде всего принять во внимание тот факт, что неопределенность связана с субъектом:

- а) неизвестно - кому-то;
- б) объект не идентифицирован - возможно, для одного субъекта, но не для другого.

Поэтому без упоминания субъекта показателю неопределенности нельзя дать эксплицитного толкования; по крайней мере это верно для лексических показателей - неопределенных местоимений и наречий (о которых и будет идти речь). Выявление и экспликация семантической роли этого субъекта - необходимая предпосылка подлинного проникновения в семантику неопределенности.

Чаще всего субъект неопределенности - говорящий. Но не обязательно. Показатели неопределенности входят в широкий класс эгоцентрических элементов языка, которые делятся на первичные и вторичные, см. Падучева 1995: говорящему противопоставлен “вторичный субъект” (ср. фигуру наблюдателя из Апресян 1986). Первичные эгоцентрики ориентированы строго на говорящего; вторичные же могут удовлетворить свою потребность в субъекте и другими способами. Например, подразумеваемым субъектом вторичного эгоцентрика может быть лицо, так или иначе выделенное в предшествующем тексте. Примеры будут представлены ниже.

---

¹О нестандартных формах неопределенности в русском языке см. Арутюнова 1995.

Следующие контексты представляют интерес в плане отличия первичных эгоцентриков от вторичных.

1) Контекст подчиняющего предложения. Первичные эгоцентрики невозможны в подчиненной позиции, поскольку говорящий требует контекста речевого акта; между тем в роли “вторичного субъекта” могут выступать лица, упомянутые в тексте, и потому вторичные эгоцентрики терпимо относятся к синтаксическому подчинению.

Синтаксическую неподчинимость первичных эгоцентриков демонстрирует следующий пример:

(1) а. Зина сказала: “Иван Петрович, *кажется* / *скорее всего*, в отпуске.”

б. Зина сказала, что Иван Петрович, *кажется / *скорее всего*, в отпуске.

В самом деле, *кажется* - первичный эгоцентрик, и его погружение в подчинительный контекст приводит к аномалии; между тем *скорее всего* - вторичный, и для него подразумеваемым субъектом может быть подлежащее подчиняющего предложения.

В примере (2) (из рассказа Чехова “Скрипка Ротшильда”) *кажется* в подчиненной позиции оставляет ощущение шероховатости или специального приема:

(2) Глядя на старуху, Яков почему-то вспомнил, что за всю жизнь он, *кажется*, ни разу не приласкал ее.

Противопоставление первичных и вторичных эгоцентриков хорошо видно на примере слова *сейчас*, у которого словари различают три значения. Из них *сейчас-1*, подлинное “сейчас”, - вторичный эгоцентрик; а *сейчас-2* ‘только что’ и *сейчас-3* ‘вот-вот, скоро’- первичные, см. примеры из рассказов Зощенко, где *сейчас-3*, будучи употреблено в подчинительном контексте, создает ощущение аномалии, хотя и не столь сильное, как это было бы для *сейчас-2*:

(3) ложится на кровать, думая, что это в крайнем случае только сон, который *сейчас* пройдет. (Зощенко)

(4) И вдруг слышит, как кто-то гремит замком в коридоре. Кто-то такое, одним словом, возится около двери и, должно быть, *сейчас* войдет в комнату. (Зощенко)

2) Контекст нарратива, где нет подлинного говорящего, а есть два его субститута - повествователь и персонаж. Здесь противопоставление первичных и вторичных эгоцентриков позволяет диагностировать повествовательную форму текста (о понятии повествовательной формы см. Падучева 1995). В традиционном нарративе 3-го лица первичные эгоцентрики однозначно свидетельствуют о присутствии повествователя и возможны только в лирических отступлениях. Нарратив, где первичные эгоцентрики интерпретируются через персонаж, - это так наз. свободный косвенный дискурс (главным конструктивным элементом которого является несобственная прямая речь). А вторичные эгоцентрики могут быть ориентированы и на персонаж, и потому легко контекстуализуются в основном корпусе повествования. Таким образом, вторичные эгоцентрики в традиционном нарративе неоднозначны - они допускают две интерпретации: персональную (через персонаж) и повествовательную (через повествователя).

Сравним поведение в нарративе двух вводных слов - того же *кажется* и *конечно*: *конечно* - вторичный эгоцентрик и, следовательно, допускает две интерпретации. Ср. примеры из романа Булгакова “Мастер и Маргарита” - в (5а) субъект уверенности - автор; в (5б) - персонаж (весь этот отрывок -

несобственная прямая речь); а (5в) неоднозначно, то ли это *конечно* принадлежит автору, то ли выражает пессимизм Маргариты:

- (5) а. Нет! Мастер ошибался, когда говорил Иванушке в больнице в тот час, когда *ночь* перевалилась через полночь, что она позабыла его. Она его, *конечно*, не забыла.
- б. Пилат объяснился. Римская власть ничуть не покушается на права духовной местной власти, первосвященнику это хорошо известно, но в данном случае налицо явная ошибка. И в исправлении этой ошибки римская власть, *конечно*, заинтересована. В самом деле, <...>;
- в. Она сделала все, чтобы разузнать что-нибудь о нем, и, *конечно*, не разузнала ровно ничего.

Между тем *кажется* - первичный эгоцентризм, и его персональная интерпретация означает, что перед нами несобственная прямая речь:

- (6) Надя слышала это и в прошлом году и, *кажется*, в позапрошлом, и знала, что Саша иначе рассуждать не может (Чехов. "Невеста").

Во фразе (7) *адвербиал в последнее время* обнаруживает себя как первичный эгоцентризм. Он не может быть ориентирован на текстовое время, а ориентация на собственное время повествователя невозможна по смыслу, поскольку речь идет о далеком прошлом. Поэтому возникает определенный стилистический эффект:

- (7) Так вот, эта супруга бургундского короля, мадам Австархильда, начала *последнее время* <...> хворать. (Зощенко)

Показатели идентификации тоже эгоцентричны (ср. Шмелев 1990); в самом деле, идентификация объекта - это замена неизвестного (субъекту) на известное. Так, в примерах из (8) внимательный читатель обнаружит присутствие повествователя; в обоих отрывках создается иллюзия, что читатель, как и сам повествователь, вообще говоря, знаком с героем и просто не узнал его поначалу в той сцене, которая разворачивается как бы у него перед глазами:

- (8) а. Пожилой пассажир, сидевший у окна <...> железнодорожного вагона <...> был *никто иной как* профессор Тимофей Пнин (Набоков. "Пнин").
- б. Первый был *не кто иной, как* Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций. (Булгаков. "Мастер и Маргарита").

В (9) субъектом идентификации могут быть и повествователь, и персонаж:

- (9) Тут у самого входа на Бронную со скамьи навстречу редактору поднялся *тот самый гражданин*, что тогда при свете солнца вылупился из мирного зноя. ("Мастер и Маргарита")

2. Показатель неопределенности в нарративе: повествовательная и персональная интерпретация

Противопоставление первичных и вторичных эгоцентриков может быть продемонстрировано и на показателях неопределенности. А именно, субъектом неопределенности может быть персонаж, как в (1) - (3), и повествователь, как в (4) - (6).

1) Неопределенность персонажа:

- (1) Вот *кто-то* вышел из дома и остановился на крыльце; это Александр Тимофеич, или попросту Саша. (Чехов. "Невеста")

(2) Она всю ночь сидела и думала, а *кто-то* со двора стучал в ставню и насвистывал. ("Невеста")

(3) Обычно по вечерам хозяин уезжал *куда-то* и брал с собой гуся и кота. ("Каштанка")

В (1) Надя выступает в роли воспринимателя (см. о фигуре воспринимателя в Падучева 1994); это она сначала не разобрала, кто вышел; тем самым, это она осуществляет интродукцию Саши читателю. Следует обратить внимание на наст. время во второй фразе примера (1), которое подтверждает персональную форму дискурса.

2) Неопределенность повествователя:

(4) <...> ученая степень, которую Пнин получил в Пражском университете в 1925, *что ли* году, к середине века лишилась применения. (Набоков. "Пнин")

(5) <...> и никогда почти не снимался с железного треножника котел или таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и *не помню еще на чем*. (Гоголь. "Старосветские помещики");

(6) этот день *как-то* незаметно проскальзывал в грегорианской маске (с опозданием на тридцать - нет на двенадцать дней). ("Пнин")

В традиционном нарративе 3-го лица повествователь имеет ограниченное право на неопределенность: он представитель автора, а автор, поскольку он представляет нам вымышленный мир как альтернативную реальность, в принципе, обязан знать, как было дело. Разумеется, в примере (5) это ограничение снимается, поскольку "Старосветские помещики" - это Ich-Erzählung. Злоупотреблением авторского права на неполноту знаний, т.е. на неопределенность, отмечена повесть Гоголя "Шинель", см. об этом в разделе 4. В примере (6) следует обратить внимание не только на показатель неопределенности, но и на конструкцию с самокоррекцией (*с опозданием на тридцать - нет на двенадцать дней*). Эта конструкция - типичный первичный эгоцентризм, т.е. интерпретируется через повествователя - только он может вначале указать неточный срок, а потом поправиться.

В примере (7) неопределенность (недостаточность знаний повествователя), выражаемая словом *наверное*, имеет, конечно, отчетливую стилистическую окраску:

(7) Собрались, конечно, родственники у ее изголовья. Ее дети. Король бургундский Гунтрам тоже пришел. Начал ее, *наверное*, утешать. (Зоценко)

Нижеследующий отрывок из Даниила Хармса (цитируется по Жаккар 1995: 158) неопределенность с повествовательной интерпретацией приводит на грань абсурда:

В два часа дня на Невском проспекте или, вернее, на проспекте 25-го Октября, ничего особенного не случилось. Нет, нет, человек возле "Колизея" остановился просто так. Может быть, у него развязался сапог, или, может быть, он хочет закурить. Или нет, совсем не то! Он просто приезжий и не знает, куда идти. <...> Нет, посмотрите, он просто чихнул и теперь идет дальше. Он немножечко сутул и держит плечи приподнятыми. Его зеленое пальто раздувается от ветра. Вот он свернул на Надеждинскую и пропал за углом. Восточный человек, чистильщик сапог, посмотрел ему вслед и разглядел рукой свои пышные черные усы. Его пальто длинное, плотное, сиреневого цвета, не то в клетку, не то в полоску, не то, черт побери, в горошину.

В каких-то контекстах нельзя однозначно установить субъект неопределенности, и для современной прозы эта неоднозначность - бесспорно существенный художественный прием, ср. McNale 1978.

После этих предварительных замечаний мы можем вернуться к нашей теме - неопределенность как семантическая доминанта русского языка. Ниже

мы остановимся на двух аспектах семантики неопределенности в русском языке, характеризующих ее как семантическую доминанту, - подробная разработанность соответствующей сферы (раздел 3) и частичное семантическое обесценивание (раздел 4).

3. К семантике неопределенных местоимений в русском языке

Задача этого раздела - показать, какие возможности открывает прагматический анализ неопределенных местоимений, основанный на понятии говорящего в его противопоставлении слушающему, с одной стороны, и вторичному субъекту - с другой.

Лучше всего описана семантика местоимений, выражающих неопределенность идентификации объекта. В русском языке различается три типа неопределенных местоимений (Падучева 1985: 209; ср. подробный перечень релевантных контекстов употребления неопределенных местоимений разных типов в Кузьмина 1989):

1) нереферентные (типа *какой-нибудь*, *кто-нибудь*), так называемые non-specific indefinite -

(1) А она глядела на него, <...> ожидая, что он тотчас же скажет *что-нибудь* значительное (Чехов. "Невеста");

(2) Мамаша целый день только гуляет, как герцогиня *какая-нибудь*. (Чехов. "Невеста");

2) собственно неопределенные (типа *какой-то*, *кто-то*), specific indefinite -

(3) отец Андрей, соборный протоиерей, говорил о *чем-то* с матерью Нади, Ниной Ивановной (Чехов. "Невеста");

3) слабоопределенные (типа *кое-какой*, а также *один*, *некоторые*) -

(4) Служил у нас на корабле *один* матрос.

Собственно неопределенное местоимение обозначает объект, который говорящий не может опознать; а нереферентное местоимение употребляется в контексте, где никакой конкретный объект не имеется в виду.

С помощью слабоопределенного местоимения говорящий вводит в денотативное пространство текста объект, известный ему, говорящему, не предполагая, что он известен слушающему (т.е. говорящий не предполагает у слушателя возможности идентифицировать этот объект). Слабоопределенное местоимение иногда осуществляет интродуктивную функцию (Арутюнова 1976), см. пример (5), но вовсе не всегда, см. пример (6):

(5) *Один* человек захотел поехать на Кипр. Он купил билет ...

(6) а. Мне нужно взять у нее *кое-какие* вещи.

б. - Кто это тебе звонил? - *Один* человек.

Показатель неопределенности, который предполагает не только говорящего, но и адресата, заведомо первичный. Ср. слова *какой-то* и *один*: *какой-то* - вторичный эгоцентрик и может употребляться в подчинительном контексте; а *один* - первичный, и в подчинительном контексте недопустимо:

(7) а. Он женат на *какой-то* / *одной* полячке.

б. Мне сказали, что он женат на *какой-то* /*одной полячке.

В самом деле, семантика местоимения *один* предполагает не только говорящего, но и адресата. Между тем в (7б) говорящего замещает субъект

пропозициональной установки (подлежащее подчиняющего предложения), у которого адресата не может быть.

В примере (8) ощущается некая аномалия: подразумеваемым- субъектом местоимения *один* не может быть повествователь, поскольку оно находится в сфере действия предиката, выражающего пропозициональную установку персонажа; однако и господин Голядкин не может быть этим субъектом, поскольку ему нехватает собеседника, которому бы дом был неизвестен:

- (8) <...> господин Голядкин никаким уже образом не мог более сомневаться, что он находится не в тридесатом царстве, а в городе Петербурге, в четвертом этаже *одного* весьма большого капитального дома, в собственной своей квартире (Достоевский. "Двойник").

Семантика местоимений на *не-* (типа *некий, некто, некоторый*) остается недостаточно изученной. Они близки к слабоопределенным, хотя не проявляют ориентации одновременно на двух участников речевого акта - говорящего и слушающего - с такой ясностью, как *один* или *кое-какой*:

- (9) Но ей уже казалось, что перед нею открывается *нечто* новое и широкое, чего она раньше не знала ("Невеста").

Собственно неопределенные местоимения *какой-то* и *как-то* могут иметь метаязыковое употребление², когда их назначение состоит в том, чтобы выразить "неточность номинации, в которой говорящий отдает себе отчет" (см. Падучева 1985: 211):

- (10) И сорочка была неглаженная, и весь он имел *какой-то* несвежий вид ("Невеста")

В Tchekhov 19.. эта фраза переводится на французский язык как *et tout sa personne avait comme un air flétri*, что подтверждает метаязыковой характер значения *какой-то*.

Подобные употребления местоимения *какой-то* рассматриваются в Николаева 1983, Арутюнова 1995. Согласно Кузьмина 1989: 172, это значение *какой-то* "реализуется в таких ситуациях, когда говорящий затрудняется подобрать точное слово или не уверен, что нашел нужное имя или определение к нему или верную оценку", например:

- резкая улыбка с *каким-то* коварством, *что ли*, не располагала к непринужденности (Окуджава).

Согласно Кузьмина 1989, *какой-то* часто возникает в разговорной речи в контексте перед паузой "для подыскания подходящего слова" (с. 173): *Какой-то он, знаешь, такой сложный вкус*; а в письменной научной речи *какой-то* не употребляется, заменяясь словами *как бы, нечто вроде, если можно так выразиться*. И то и другое подтверждает характеристику данного значения как метаязыкового.

Приведенные соображения о семантике неопределенных местоимений никак не претендуют на исчерпывающие толкования; остается множество проблем. Так, в (11) *незнакомый* ≠ 'какой-то'; в (12) *неизвестно у кого* ≠ 'у кого-то':

- (11) перед графиней стоял *незнакомый* мужчина ("Пиковая дама");

- (12) Может кончится это все, когда-нибудь? Дальше-то лучше будет? - *неизвестно у кого* спросил Турбин.

²Метаязыковое употребление могут иметь многие слова, прежде всего, частицы и союзы; В.В.Виноградов приводит пример метаязыкового употребления союза *потому что*: *Ветер в аллее, потому что листья шуршат*.

Более пеструю картину составляет неопределенность как пропозициональная установка - неуверенность, неясность, сомнение; здесь сферой действия неопределенности служит вся предикация.; ниже приводится - заведомо не полный, но достаточно представительный - перечень показателей неопределенности этого типа.

должен, должно быть:

Слышно было, как где-то далеко, очень далеко, *должно быть* за городом, кричали лягушки ("Невеста")

Когда Надя проснулась, было, *должно быть*, часа два, начинался рассвет. ("Невеста")

вроде (бы) [в одном из значений это показатель чужого мнения, с которым говорящий не знает, следует ли ему соглашаться]:

Моим детям *вроде бы* не стоит это читать;

не то ..., не то, то ли...то ли, или;

Сквозь сон чудилось - *то* вроде совсем заболел, *то* отходил маленько (Солженицын. "Один день Ивана Денисовича");

чуть ли не:

Года через два перешел он в училище живописи, пробыл здесь *чуть ли не* пятнадцать лет. ("Невеста")

очень рассеян, *чуть ли не* встревожен ("Идиот")

как будто:

Гаврила Ардалионович меж тем *как будто* что-то припоминал, ("Идиот")

как бы:

<...> он испуганно обвел глазами дома, *как бы* опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту. ("Мастер и Маргарита")

что ли:

Гроза, *что ли*, собирается;

что-то:

Он проиграл *что-то* много, но сколько именно, он не знал. (Толстой. "Два гусара"):

что-то в значении 'почему-то':

звон скоро затих: холодно было и надзирателю неохота было звонить. И барака *что-то* не шли отпирать ("Один день Ивана Денисовича");

Устал я *что-то*;

Он был как-то рассеян, *что-то* очень рассеян, чуть ли не встревожен ("Идиот");

<...> да и князей Мышкиных уж *что-то* нигде не встречается, даже и слух затих-с. ("Идиот")

Только улыбка его, при всей ее любезности, была что-то уж слишком тонка; зубы выставлялись при этом что-то уж слишком жемчужно-ровно; взгляд, несмотря на всю веселость и видимое простодушие его, был что-то уж слишком пристален и испытующ. ("Идиот")

Однако, по словам историков, его правление *что-то* ему не особенно задавалось. (Зощенко)

Выступая в значении, близком к 'почему-то', *что-то* ведет себя как первичный эгоцентрик:

*Поскольку он *что-то* устал, придется тебе идти одной;

*Хотя я *что-то* устала, я пойду;

*То, что он *что-то* устал, было заметно;

*Я *что-то* плохо буду себя чувствовать в этой компании.

Повествовательная интерпретация, однако, затруднена:

*Так вот, эта супруга бургундского короля, мадам Австархильда, начала <...> *что-то* хворать. (Зощенко)

- по тем причинам, о которых шла речь в разделе 2, см. примеры (4) - (6) из этого раздела;

как-то:

Непонятно *как-то*;

Мне все здесь *как-то* дико ("Невеста");

Он был *как-то* рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился *как-то* странен ("Идиот");

Не сидится француз у на этом стуле, потому что в окно *как-то* дует. (Зощенко)

почему-то:

и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно *почему-то* казалась очень молодой. (Чехов. "Невеста")

Будучи вторичным эгоцентриком, *почему-то* допускает в нарративе две интерпретации - через героя и через повествователя, см. примеры из романа Булгакова "Мастер и Маргарита":

Щурился прокуратор не оттого, что солнце жгло ему глаза, нет! Он не хотел *почему-то* видеть группу осужденных, которых, как он прекрасно знал, сейчас вслед за ним возводят на помост. [герой]

Швейцар, вышедший в этот момент из дверей ресторанной вешалки во двор, чтобы покурить, затоптал папиросу и двинулся было к привидению с явной целью преградить ему доступ в ресторан, но *почему-то* не сделал этого и остановился, глуповато улыбаясь. [герой]

Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: "Погиб!", потом: "Погибли!.." и какая-то совсем нелепая среди них о каком-то долженствующем непременно быть - и с кем?! - бессмертии, причем бессмертие *почему-то* вызывало нестерпимую тоску. [герой]

И на всем его трудном пути невыразимо *почему-то* мучил вездесущий оркестр, под аккомпанемент которого тяжелый бас пел о своей любви к Татьяне. [герой]

- И доказательств никаких не требуется, - ответил профессор и заговорил негромко, причем его акцент *почему-то* пропал: - все просто: в белом плаще... [повествователь]

Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится. Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой - золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду - лет сорока с лишним. Рот *какой-то* кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый *почему-то* зеленый. Брови черные, но одна выше другой. *Словом* - иностранец. [повествователь]

В свободном косвенном дискурсе все *почему-то* ориентированы на персонаж:

Надя слышала это и в прошлом году и, кажется, в позапрошлом, и знала, что Саша иначе рассуждать не может, и это прежде смешило ее, теперь же *почему-то* ей стало досадно.

Однозначно персональную интерпретацию имеет *почему-то* в рассказе Толстого "Два гусара":

(4) Но *почему-то* он <Полозов> не сообщал этих мечтаний своему другу.

Читателю, конечно, ясно, почему романтически настроенный Полозов не расположен к откровенности с молодым графом, который выступает в роли расчетливого соблазнителя - неясность может быть только у самого Полозова.

4. Неопределенность как семантическая доминанта: проблемы перевода

Если неопределенность составляет семантическую доминанту русской языковой картины мира, естественно ожидать, что показатели неопределенности будут иметь в русском тексте относительно малый удельный вес; в частности, при переводе будут иметь тенденцию опускаться. Оказывается, что так оно и есть³. Разные переводчики сходятся в том, что, как правило, оставляют показатели неопределенности, в изобилии присутствующие в русском тексте, без перевода. Мы продемонстрируем этот печальный удел русских показателей неопределенности на двух примерах.

Пример 1. Слово *почему-то* в рассказе Чехова "Невеста".

В этом рассказе слово *почему-то* встречается на каждой странице, иногда по несколько раз. Как видно из приводимых ниже примеров, во французском переводе оно как правило просто опускается⁴:

- (1) и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно *почему-то* казалась очень молодой [sa mère qui <...> paraissait très jeune]
- (2) И хотелось *почему-то* плакать. [Et l'on avait envie de pleurer.]
- (3) И *почему-то* казалось, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца! [Et Nadia avait l'impression obscure que toute sa vie serait ainsi, sans changement, sans fin.]
- (4) *Почему-то* про него [Сашу] говорили, что он прекрасный художник, [*Sans bien savoir pourquoi* on disait de lui que c'était un excellent artiste]
- (5) Она <...> казалась теперь рядом с ним очень здоровой и нарядной, она чувствовала это, и ей было жаль его и *почему-то* неловко. [elle le sentait, avait pitié de lui et éprouvait une sorte de gêne.]

Отрывок (4) единственный, где неопределенность переходит из оригинала в перевод. Существенно, что это неопределенность повествователя, а не персонажа. Та же тенденция прослеживается и в другом примере.

Пример 2. Показатели неопределенности в повести Гоголя "Шинель".

Повесть "Шинель" переполнена показателями неопределенности всех видов. Ниже приведена серия примеров с переводом на французский язык.

- (1) В департаменте... но лучше не называть, в каком департаменте. Нет ничего сердитее всякого рода департаментов, <...> Итак, в *одном* департаменте служил *один* чиновник;

³Подобные рекомендации вошли даже в словарь Geld 1993, где предлагается, например, опускать при переводе слово *достаточно* в контекстах типа *Он привел достаточно убедительные доказательства*.

⁴Перевод дается по изданию: Tchekhov 1962.

[Au ministire de... Non, mieux ne vaut pas le nommer <...> Donc, il y avait dans un *certain* ministire un employй]⁵.

- (2) Начальники поступали с ним *как-то* холодно-деспотически. [Ses supйrieurs le traitaient avec une froideur despotique.]
- (3) *Какой-нибудь* помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже "перепишите" [Le premier sous-chef venu lui jetait des paperasses sous le nez sans mкme prendre la peine de dire: "Ayez l'obligeance de copier за"];]
- (4) И *что-то странное* заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. [Il y avait *quelque chose d'ўtrange* dans ces paroles.]
- (5) *Какая-то* неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. [une force surnaturelle parut le détourner de ses camarades, qu'il avait tenus d'abord pour des gens bien йlevйs.]
- (6) дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить *кое-где* глаголы из первого лица в третье. [tout le travail consistait а changer le titre general et de faire passer *quelque* verbes de la premiєre а la troisiєme personne.]
- (7) Вицмундир у него был не зеленый, а *какого-то* рыжевато-мучного цвета [son veston d'uniforme avait passй du vert au roux farineux];
- (8) кто побойчее, несется в театр; кто на улицу, определяя его [время] на рассматривание *кое-каких* шляпенок⁶ [celui-ci gagne la rue pour y contempler de jolies coiffures];
- (9) Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его *как-то* особенно сильно стало пропекать в спину и плечо [Depuis quelque temps, Akaki Akakiєvitch <...> se sentait tout transi, particuliєrement au dos et aux epaules]
- (10) Увидевши, в чем дело, Акакий Акакиевич решил, что шинель нужно будет снести к Петровичу, портному, жившему *где-то* в четвертом этаже по черной лестнице [Akaki Akakiєvitch comprit qu'il lui faudrait porter son manteau au tailleur Pєtrovitch, qui travaillait en chambre au troisiєme єtage d'un escalier de service]
- (11) оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в *одном месте* немного того... [La poussiєre le fait paraўtre vieux, mais il est neuf... Il n'y а qu'a *cet* endroit, n'est-ce pas...];
- (12) Петрович взял капот <...> и плез рукою на окно за круглой табакеркой с портретом *какого-то* генерала, какого именно, неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четверугольным лоскуточком бумаги. [Pєtrovitch prit la "capote", <...> atteignit sur la fenўtre une tabatiєre ronde ornєe du portrait d'un gєnєral dont je ne saurais dire le nom, car un rectangle de papier remplaçait le visage crevй d'un coup de doigt.]
- (13) он теперь того... жена, видно, *как-нибудь* поколотила его [Il est dans un єtat plutўt... Sa femme aura dў le battre];
- (14) и увидев издали, что жена Петровича *куда-то* выходила из дому, он прямо к нему [il guetta la femme de Pєtrovitch et, dєs qu'il la vit s'absenter, il s'en fut droit chez son gaillard];
- (15) С этих пор как будто самое существование его сделалось *как-то* полнее, как будто бы он женился, как будто *какой-то* другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а *какая-то* приятная подруга жизни согласилась проходить вместе жизненную дорогу [son existence elle-mўme prit de l'importance; on devinait а ses cўtes comme la prєsence d'un autre єtre, comme une compagne aimable qui aurait consenti а parcourir avec lui la route de la vie];

⁵Перевод дается по изданию: Nikolas Gogol. Oevres complètes. Gallimard, 1966.

⁶ Это употребление слабоопределенного местоимения в современном языке звучит не вполне корректно.

- (16) Он сделался *как-то* живее, даже тверже характером [Il devint plus vif et plus ferme de caractère];
- (17) Сначала надо было Акакию Акакиевичу пройти *кое-какие* пустынные улицы с тощим освещением [Celui-ci dut suivre tout d'abord *quelques* rues sombres et quasi désertes fort parsimonieusement éclairées];
- (18) остановился посмотреть на картину, где изображена была *какая-то* красивая женщина, которая скидала с себя башмак [une jolie femme enlevait son soulier];
- (19) Чтобы *как-нибудь* не вздумал удерживать его хозяин, он вышел потихоньку из комнаты [De peur que son hôte ne protestât encore, il s'esquiva à l'anglaise].

Не получают перевода слова *как-то*, *как-нибудь* и *кое-как*:

- (20) Веселость Акакия Акакиевича *как-то* здесь значительно уменьшилась;
 Частный пристав принял *как-то* чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели;
 Получивши генеральский чин, он *как-то* спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть;
 он приехал к себе, доплелся *кое-как* до своей комнаты и провел ночь в весьма большом беспорядке.

То же в примерах (2), (9), (13), (16), (19) выше. Ср., однако, адекватный перевод, найденный для *как-то* в примере (21):

- (21) все это было *как-то* чудно Акакию Акакиевичу [toutes ces choses inconnues plongeaient le pauvre homme dans *une sorte d'hébétement*].

Разобранные примеры составляют лишь незначительную часть огромного материала, который заслуживает более пристального изучения. Предъявленных фактов, однако, достаточно, чтобы подтвердить наше предположение о том, что семантические доминанты языка составляют специальную проблему при универсалистском подходе к семантике: принадлежа к доминантной сфере, показатели неопределенности сближаются с грамматическими показателями в том смысле, что они навязаны говорящему языком и переводить их как бы не обязательно.

Может возникнуть предположение, что избыток показателей неопределенности - это специфика стиля того или иного русского писателя: Чехова, с одной стороны, и Гоголя - с другой (неопределенность как литературный прием в "Шинели" Гоголя отмечена Эйхенбаумом). Спору нет, что в "Шинели" бесчисленные признания повествователя в своей неосведомленности составляют отчетливый литературный прием, ср. длинный пассаж о жене Петровича, которая не имеет отношения к делу, но про которую, тем не менее, сказано, что "не много было известно"; и другие в том же роде - например, повествователь заявляет:

Слышал ли Акакий Акакиевич эти произнесенные роковые для него слова, а если и слышал, произвели ли они на него потрясающее действие <...> - ничего этого не известно, потому что он находился все время в бреду и жару.

И тут же идет подробный рассказ о том, какие видения посещали Акакия Акакиевича, что ему чудилось и проч.; повествователя не смущает, что в таком случае видения Акакия Акакиевича тоже не могли быть ему известны.

Но как раз для неопределенности, ориентированной на повествователя, обычно находится адекватный перевод. Так что дело не в стиле. Кроме того, сама возможность той изощренной игры на неопределенностях, которая проводится Гоголем в "Шинели", заложена в русском языке и служит лишь подтверждением тезиса об особой настроенности языка в целом на эту семантическую сферу.

Литература

- Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира.- В кн.: Семиотика и информатика, вып. 28, М., 1986, с. 5-33.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Арутюнова Н.Д. ... - В кн.: Логический анализ языка. ... 1995.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
- Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. Санкт-Петербург, 1995.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. Отражение русского национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги Анны Вежбицкой "Semantics, culture and cognition") - Russian linguistics, 1996, v. 20, N1.
- Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений. - В кн.: Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. - М.: Наука, 1989.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева Е.В. К определению лингвистических параметров несобственной прямой речи. - В кн.: Лотмановский сборник. М.: ИЦ-гарант, 1994, 642-654.
- Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы.- "Изв. РАН. Серия лит. и языка", т. 54, 1995, No. с. 39-48.
- Шмелев А.Д. Парадоксы идентификации.- В кн.: Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. М.: Наука, 1990 с. 33-51.
- Geld I. Dictionary of omissions for Russian translators with examples from scientific texts. - Ohio: Slavica Publishers, 1993.
- McHale B. Free Indirect Discourse: A Survey of Recent Accounts. PTL: A Journal for descriptive Poetics and Theory of literature 3, 1978, 249-287.
- Tchekhov A. La dame au petit chien et autres nouvelles. Traduction Edouard Parayre. Editeurs Français Réunis, 1962
- Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam: John Benjamins, 1988. - 550 p.
- Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. New York: Oxford University Press, 1992.- 487 pp.